Умер-шмумер

Автор:
Екатерина Вильмонт

Умер-шмумер

Екатерина Николаевна Вильмонт

Про жизнь и про любовь: Екатерина Вильмонт

Люди встречаются, люди влюбляются. И вдруг расстаются. И вот, когда между ними пропасть времени, и все, казалось бы, позади, судьба дает новый шанс – новую встречу…

Екатерина Николаевна Вильмонт

Умер-шмумер

– Мама, ты слышала, Рабинович умер!

– Ах, умер-шмумер, лишь бы был здоровенький!

Старый еврейский анекдот

В жаркий майский день на залитой солнцем набережной Рейна за столиком кафе сидел мужчина. Он был не слишком молод, небрежно одет и небрит, но при этом весь его облик свидетельствовал о том, что он наслаждается жизнью. Перед ним стоял высокий стакан с пивом, вазочка с орешками. Он смотрел на медленно текущие воды Рейна и расслабленно вспоминал строчки «Лорелеи», застрявшие в мозгу еще со школьных лет: «Jch weir nicht, was soll es bedeuten, dar ich so traurig bin».[1 - Не знаю, что стало со мною – Душа моя грустью полна. (Пер.

с нем. В. Левика)] Одним словом, ему было хорошо!

Из этой приятной расслабленности его вырвал довольно резкий голос молоденького кельнера, который что-то быстро говорил смешному чернявому мальчонке с бойкими восточными глазами. Попрошайку гонит, лениво подумал мужчина, достал монетку и бросил парнишке. Тот на лету ее поймал и вприпрыжку унесся, по-видимому очень довольный. Кельнер покачал головой с явным осуждением. Не надо, мол, потакать этим туркам, и так уж от них спасу нет… Но, разумеется, ничего этого он не сказал.

«И как это я проворонил, когда тут появились дамы?» Он с интересом принялся их разглядывать. Вернее одну, ибо вторая сидела к нему спиной. А та, первая, яркая блондинка, была очень недурна. Лет под сорок, что называется, в самом соку. Чувственный рот, изящный носик, роскошные плечи и грудь – одним словом, весьма аппетитная особа, жаль только, в темных очках. У ее подруги видны были лишь худенькие плечи и пышные каштановые с рыжинкой волосы. Они не немки, решил мужчина, наблюдая за артикуляцией блондинки. Неужто русские? Хотя чему удивляться, в Германии сейчас полно русских, и эмигрантов и туристов. Немножко сжало сердце, но он отхлебнул пива и сразу успокоился. Ну и что? Это все в далеком прошлом, а сейчас мне хорошо. От русских нигде теперь не скроешься. Вот в прошлом году решил заняться дайвингом на Мальдивах, так и там первый человек, которого увидел, был русский. Как же все изменилось. Черт побери, эта блондинка вполне подошла бы для легкого отпускного романа.

Я уже достаточно отдохнул, чтобы провести ночку-другую с такой киской. От этих мыслей – нет, даже не мыслей, а ощущений – он немного приосанился и стал обдумывать, под каким предлогом подойти к дамам. Они вдруг громко рассмеялись, блондинка даже простонала: «Ой, не могу!» Действительно, русские. Значит, буду корчить из себя стопроцентного янки, чтобы не было лишних разговоров. Эх, правда, вид у меня не слишком авантажный, ну да ничего… Нет, надо подождать, пусть блондинка снимет очки, а то, может, еще таким крокодилом окажется. Да нет, сразу видно – баба что надо. Он почувствовал, что почти уже готов к любовным подвигам, тем более что русские бабы уж точно не позовут полицию, обвиняя его в сексуальных домогательствах. В этой Америке скоро станешь импотентом… Но тут вторая женщина каким-то очаровательным движением закинула руки, подняла свои роскошные волосы и заколола их на затылке. Видимо, ей стало жарко. Нет, надо сначала и на нее поглядеть, чтобы не дать маху. Шейка у нее прелестная, хрупкая, нежная, так и

хочется поцеловать… Да, я, кажется, уже хорошо отдохнул, усмехнулся он про себя. Срочно нужна баба! Интересно все-таки, эта с трогательной шейкой – какая она? Наверное, привлекательная, в том, как она подняла волосы, была какая-то невыразимая прелесть, что-то бесконечно женственное. «Das ewig Weibliche!»[2 - Вечная женственность (нем.).] Да, пожалуй, я хочу эту, с шейкой… Он встал и ленивой походкой направился к туалету. Но, выйдя оттуда, обнаружил, что за столиком осталась только блондинка. Она сидела и разглядывала толстую пачку фотографий, видимо недавно полученных в фотоателье. Что ж, значит, не судьба, решил он и подошел к блондинке. Но она смерила его таким взглядом, что он весь внутренне скукожился, пробормотал «Sorry» и вернулся за свой столик. Ничего, все нормально, я слишком небрежно одет, видимо, русские женщины по-прежнему ценят мужчин в дорогих костюмах с галстуками. Да и при ближайшем рассмотрении эта блондинка какая-то слишком гладкая, никаких струн не заденет… А вот та, с шейкой… Глупости, брат, ты ее не видел, – может, на трогательной шейке такая мордоворотина… Да, скорее всего, так и есть. Ну их, этих баб, зачем мне сдались сорокалетние русские тетки? Найду себе молоденькую немочку, говорят, они здорово сексуальные и без комплексов, а русская еще влюбится, не дай бог, потом неприятностей не оберешься. Он заказал еще пива и снова расслабленно закрыл глаза. Ах, хорошо… Когда он их открыл, блондинки тоже не было за столиком. Вот и славно. Сейчас расплачусь и пойду пешком домой. Кстати, вчера соседка с большим интересом на меня смотрела, очень миленькая девица, лет двадцать пять, не больше… Он подозвал кельнера, расплатился и вдруг заметил, что под столиком, за которым сидели русские дамы, валяется фотография. Очевидно, блондинка выронила и не заметила. Он быстро нагнулся, поднял карточку, мельком взглянув на нее. Там на фоне памятника Бетховену стояла… Ника! У него даже в глазах зарябило. Впрочем, без очков я могу и ошибиться, снимок достаточно мелкий, не разберешь, зря я не взял очки, глупость какая. Он сунул фотографию в карман и быстро пошел по набережной. Нет, это чепуха, мне померещилось, бред, так не бывает… Откуда тут возьмется Ника? Господи, неужто она была в двух шагах от меня, а я ее не узнал? Я смотрел на ее волосы, шею, я ее хотел, но я не знал, что это она… И я ее упустил… Нет, нет, это не она, нет, просто похожа, наверняка она просто похожа на Нику… И Ника всегда коротко стриглась, говорила, терпеть не может длинные волосы… Но ведь именно таким движением она закидывала руки, чтобы расстегнуть свои любимые зеленые бусы, да-да, в этом движении всегда было что-то невыразимо очаровательное, волнующее. Но ведь прошло двадцать два года… Сколько же ей сейчас? Сорок два или сорок три? В принципе совсем немного для женщины… Впрочем, женщины стареют по-разному, в России они часто расплываются после первого же ребенка. Интересно, как у нее сложилась жизнь? Замужем ли она?

Сколько у нее детей? Где живет? Здесь, в Германии, или приехала туристкой? Скорее всего, так, иначе не стала бы сниматься на фоне Бетховена, но где живет, в России или где-то еще? Теперь я уже этого не узнаю. Стой, дурак, сказал он себе, посмотри как следует на фотографию, наверняка ты обознался! Он вытащил карточку. Как можно дальше отставил руку, вгляделся. Нет, все-таки это она, Ника! Лица почти не разобрать, но все равно… Он вдруг ощутил такую острую боль под ложечкой, что чуть не согнулся пополам. Только этого еще не хватало! Эта боль не давала о себе знать уже лет семь, с тех пор как он развелся с Элли. Нет, надо взять себя в руки. В конце концов, все в прошлом. Ника другая, и я другой, между нами давно все порвано, и слава богу! Интересно, она забыла меня? Наверняка, мало ли у нее в жизни было мужиков, вряд ли она всех помнит… Но я же не все… Я же не забыл ее. Хотя и не вспоминал почти. Запретил себе вспоминать и не вспоминал. Вот и сейчас надо запретить себе думать о ней. Значит, судьбе было неугодно, чтобы мы встретились. И лучше всего порвать, к черту, эту фотографию. Хотя нет, зачем? Иногда даже приятно будет взглянуть, потом, когда вернусь домой… Покажу снимок Бену. Пусть видит, какие очаровательные женщины встречаются в Бонне, который он назвал скучнейшим городом… Но Бен не поймет, не оценит, он предпочитает баб баскетбольного роста. Мне нравится Бонн, маленький город, по нему так приятно ходить пешком. Пойду-ка я домой, а по дороге пообедаю в кафе на площади, там такие вкусные колбаски, а чтобы не дрыхнуть после обеда, съезжу в Кельн, а может, если соседка окажется дома, приглашу ее поужинать – и все будет отлично, просто здорово! Хороший перепих с молоденькой телкой, и все глупости вылетят из головы. Благие мысли пробудили здоровый аппетит, и он прибавил шаг. От боли под ложечкой не осталось и воспоминания. Вот что значит иметь силу воли!

Усевшись в кафе на простой деревянной лавке, он взял меню и, не успев даже его раскрыть, заметил Нику. Она стояла у витрины пиццерии в нескольких шагах от него. Теперь он мог внимательно рассмотреть ее всю, но у него перед глазами почему-то плыл туман. Какая она прелестная… Вот сейчас соберусь с духом и подойду к ней. И гори оно все синим пламенем! Интересно, а голос у нее все такой же? Но в этот момент к Нике подбежала запыхавшаяся блондинка, что-то быстро сказала и чуть ли не силой поволокла куда-то.

К нему спешила кельнерша, но он только рукой махнул и пошел вслед за женщинами, сам не зная зачем. Они вошли в большой универсальный магазин. Он как привязанный плелся следом, хотя вообще-то ненавидел таскаться по магазинам. Идиот, куда я прусь? Женщины поднялись на эскалаторе на третий этаж, и блондинка повела Нику в отдел женских платьев. Однако они не стали

бродить от вешалки к вешалке, блондинка двигалась целенаправленно и решительно сняла плечики с чем-то темно-зеленым. Нике всегда шел зеленый, вспомнил он. Внимательно оглядев зеленую тряпочку, она вошла в примерочную. Блондинка осталась в зале. У нее зазвонил сотовый телефон.

– Алло! Да, мамочка! Мы с Никой шопингуем! Все нормально, не волнуйся! Да нет, ты же знаешь, у нас сегодня рандевушка! Надо ж ей немножко прибарахлиться! Все в порядке, мамочка, мы уже большие девочки. Да-да, ну все, пока!

Из примерочной выглянула Ника:

– Алла! Иди сюда!

Блондинка скрылась в примерочной, и оттуда послышался ее возбужденный голос:

– Тебе потрясающе это идет! Ерунда, совсем не так уж дорого! Я тебе это дарю!

– Нет, Алка, я сама, даже не думай, я просто не уверена, что это мое…

– Твое, это именно то, что нужно!

– Может, лучше черное?

– Да ты что, посмотри, посмотри! Я как увидела, сразу решила: это для Вероники!

– Вообще-то и вправду красиво…

– Берешь?

– Да, наверное…

Он вдруг подбежал к продавщице и быстро сказал по-немецки:

– Фрейлейн, я хочу заплатить за это зеленое платье, что примеряет русская дама. Но, пожалуйста, не объясняйте ей ничего, просто скажите, что оплачено!

Он быстро вытащил кредитку и сунул продавщице. Та кивнула и одобрительно улыбнулась: ей, видимо, понравилась такая романтическая ситуация. Сам он метнулся в сторону. В этот момент дамы вышли из примерочной.

– Мы берем! – по-немецки сказала блондинка.

Ника вытащила кошелек. Ну конечно, русские до сих пор платят наличными, усмехнулся он.

– То есть как – оплачено? – воскликнула Алла. – Кем оплачено? Каким еще мужчиной? Что за чепуха, я ничего не понимаю!

Она отлично говорит по-немецки, подумал он, наверное, давно здесь живет.

– Ника, – уже по-русски обратилась к ней Алла, – продавщица говорит, что платье оплатил какой-то тип…

– Что? Какой тип?

– Да я не знаю, но она говорит, покупка оплачена! Ты что-нибудь понимаешь?

– Алла, это какая-то путаница. Вероятно, платье кто-то уже купил до нас и просто еще не забрал!

– Что ж, я, по-немецки, что ли, не понимаю?

Между тем продавщица сложила платье, сняла с него пластмассовое сигнальное устройство и сунула в пакет.

– Вот возьмите, спасибо за покупку, заходите к нам еще!

С этими словами она протянула пакет Нике.

– Послушайте, фрейлейн, но что это за тип, что он сказал? – недоуменно допытывалась Алла.

– Не знаю, подошел мужчина, довольно приятной наружности, сказал, что хочет подарить даме это зеленое платье, заплатил и ушел. Да вы не волнуйтесь, все в порядке, вероятно, это какой-то тайный поклонник мадам, – улыбнулась девушка.

– Ну, Никуша, ты даешь! – покачала головой Алла и решительно взяла пакет. – Что ж, если нашелся такой дурак, скажем ему спасибо! Шмотка даром досталась, теперь спокойно можешь купить себе еще что-нибудь без всяких угрызений совести. Идем, идем, тебе еще надо привести себя в порядок, отдохнуть!

И мне, кстати, тоже, я с ног валюсь!

– Подожди, Алла, я уверена, что это недоразумение! И оно мне не нравится!

– Ника, ты зануда! Ну, может, ты какому-нибудь старому болвану приглянулась и он решил поиграть в таинственного благодетеля!

И вообще дают – бери!

– Но с какой стати?

– Ой, ты меня достала! Не хочешь – не бери! Пойди отдай платье продавщице. Очень в твоем духе!

– Думаешь, не надо отдавать?

– О господи, что ты за человек! Тебе подарили шмотку, что надо сказать? Спасибо! Тебя

в детстве не учили?

– Но ведь некому сказать спасибо…

– Так оно еще и лучше! Идем, идем, дуреха!

И она буквально поволокла Нику к эскалатору.

А он вернулся к продавщице забрать кредитку.

– Спасибо вам, фрейлейн, вы очень меня выручили.

– Дама была смущена.

– Ничего страшного, все в порядке! Вы отлично держались, фрейлейн!

И он поспешил вниз. Им овладел охотничий азарт. Но видимо, промедление оказалось роковым. Он нигде не обнаружил двух подруг, они как сквозь землю провалились. Идиот, зачем надо было любезничать с продавщицей? Ах, кретин! Он еще потоптался возле магазина, потом вернулся, обошел весь первый этаж, но Ники нигде не было. А тут еще он вспомнил, что так и не успел пообедать. Ему стало грустно, и он поплелся в то самое кафе, из которого так поспешно ушел. Однако, когда он поел, хорошее настроение к нему вернулось. А может, оно и к лучшему! Не встречались столько лет, ну и не надо… Мало ли как сложилась ее жизнь, мало ли что может выясниться…

А вдруг она от меня тройню родила? Правда, она вроде не была беременной, когда я уехал, но кто этих баб знает… Может, забеременела тогда от кого-то еще, а сейчас мне преподнесет эту тройню, и я буду всю жизнь… Хотя даже если она родила, то этой тройне как минимум больше двадцати, но совесть будет меня мучить и все такое. Впрочем, даже если она никого не родила, а жизнь ее плохо сложилась, меня все равно будет мучить совесть… Нет, к черту прошлое! Я сделал ей приятный сюрприз, и хватит… Впрочем, на несчастную она не похожа… Нет, не хочу! У нее своя жизнь, у меня своя, так зачем бередить старые раны? Совершенно ни к чему. И он медленно побрел к дому, где находилась квартира его старого приятеля Томаса, который уехал в Новую Зеландию. И чтобы уж совсем покончить с прошлым, он купил цветы для любезной и хорошенькой соседки, что передала ему ключи, показала, где что лежит, и весьма дружелюбно на него смотрела. Что ж, все не так уж плохо, главное – не оглядываться назад!

Соседку звали Габи, и она сразу же согласилась провести вечер с ним. В том, что вечер плавно перетечет в ночь, он уже не сомневался. Габи была достаточно хороша, вполне молода и, кажется, не обременена никакими комплексами. То, что нужно, одним словом. Настроение исправилось, и когда он принимал душ, то даже насвистывал, но вдруг противной, скользкой гадиной в душу заползла сказанная Аллой фраза: «У нас сегодня рандевушка!» Рандевушка! И Ника будет на этой рандевушке, и очень возможно, у нее вечер тоже плавно перетечет в ночь… Женщина на отдыхе… Но при мысли, что какой-то чужой потный мужик будет лапать Нику, и хорошо, если только лапать… его затошнило и под ложечкой опять заболело. Бред! Чистой воды бред! Двадцать два года я жил и не думал об этом, а ведь она не ушла в монастырь, она жила среди людей, среди мужчин и стала только привлекательнее с годами, не усохла, как иной раз усыхают одинокие женщины, она стала еще желаннее. И кто знает, сколько их было… Она уже, наверное, и не помнит своего первого мужчину, своего Влада, которого любила когда-то… Так любила, что осточертела ему со своей любовью, со своими замашками типично русской бабы, правда несколько отравленной интеллигентностью, что только усугубляло обременительную на тот момент любовь. Тьфу-тьфу-тьфу, боже меня упаси, нет, только не любовь! Он давно уже усвоил: от любви одни неприятности, а вот голый секс – то, что надо. Как говорит Бен «справил нужду – и свободен»! Все очень просто, у меня давно не было бабы, я слишком устал, а сейчас отдохнул, вот трахну Габи – и все будет о’кей! Он умел успокаивать себя.

К тому моменту, когда вечер должен был уже плавно перейти в ночь, он вдруг с ужасом понял, что абсолютно не хочет Габи. Черт, до чего неловко… Как бы так изящно от нее избавиться? А она уже томно и многозначительно на него посматривает. Дело в том, что весь вечер он невольно сравнивал ее с Никой, и хотя на уровне разума сравнения были безусловно в пользу Габи, но весь его организм ее отторгал, организм хотел Нику, и только Нику. Фу, как некрасиво: девушка, похоже, распалилась, а я… Может, все-таки рискнуть и попытаться?

А если ничего не выйдет, как я буду выглядеть? Нет, это плохая предпосылка, теперь уж обязательно ничего не выйдет… Надо срочно что-то придумать… Вот так всегда… И тут вдруг на помощь пришла спасительная боль под ложечкой. Он буквально согнулся пополам. И что самое интересное, нисколько не притворялся. Габи испугалась:

– Что с вами? Может, вызвать амбуланс?

У вас есть страховка?

– Есть, все есть, но никого вызывать не надо… Со мной бывает. Уж очень не вовремя… Ты прости, детка…

– Чем вам помочь? Вы что-то не то съели? Но это очень хороший ресторан…

– Да нет, все было прекрасно, незабываемо, и еще будет прекрасно… Просто мне надо лечь… Я сейчас приму таблетку… Ох, черт, я забыл взять с собой, надо поскорее добраться до дома…

Она вызвала такси и отвезла его, скрюченного, домой. Он принял таблетку и в изнеможении рухнул на диван.

– Вы уверены, что не нужен врач?

– Уверен. Я выпью снотворного, все пройдет.

– С вами посидеть? Сделать вам чай?

– Нет-нет, спасибо, ничего не нужно. Ты прости меня, видно, я уже старый…

Она как-то нахально усмехнулась и ушла. Наверное, обо всем догадалась. Но едва за ней закрылась дверь, как боль отпустила. Он с наслаждением распрямился, вытянул ноги и закрыл глаза. Ника, где ты?

Утром, еще лежа в постели, он попытался осмыслить произошедшее… Неужто теперь Ника будет мешать его отношениям с женщинами? Нет, об этом даже думать нельзя, иначе именно так все и будет. Нельзя себя на это программировать. Нет-нет! Ника – прошлое,

далекое прошлое, а жить я хочу сейчас. И с женщинами тоже. Аскеза не мой путь. Значит, усилием воли надо выкинуть ее из головы.

Котофеич! Он любил в иные минуты звать ее Котофеичем. Ей это почему-то нравилось… Ее отчество – Тимофеевна, вот он и назвал ее как-то Вероника Котофеевна, а там уж и до Котофеича недалеко. Черт, опять эти идиотские мысли… И почему, зачем мы оба оказались в этом маленьком немецком городе, бывшей столице? Что, на свете мало других городов? Нет, я буду бороться. Он закрыл глаза и вызвал в памяти Джинджер, умопомрачительно сексуальную мулатку, с которой встретился на

Гавайях. Какая фигура, какие формы, а темперамент! Мысли о ней не раз выручали его в щекотливых ситуациях, к сожалению случавшихся в последние годы. Не часто, правда, можно сказать очень редко, но все же. И Джинджер неизменно приходила на помощь, стоило только ее вспомнить. Но сейчас… Сейчас она показалась просто роскошной женщиной на экране видео, такой же плоской и бестелесной… А вот это уже никуда не годится! Он вскочил и нервно стал шарить по карманам в поисках сигарет, совершенно позабыв, что уже лет пять, как бросил курить. Это невроз. Если уж Джинджер не возбуждает… Ерунда, все ерунда, я же, в конце концов, не пробовал… просто не хотел Габи, дело именно в этом, она не в моем вкусе, и только. А с другой все прекрасно получится. Кстати, если бы я вовремя призвал на помощь Джинджер, могло получиться и с Габи. Может, стоит попробовать? Надо же как-то оправдаться перед нею. Нет, к черту Габи, она вчера так усмехнулась уходя. Сучка, похотливая сучка… Брр! И вообще, может, лучше смотаться из Бонна, от греха подальше? Впрочем, с Никой мы больше, скорее всего, не встретимся, опасность не столь уж велика. А Габи ведь где-то работает, и уж днем можно ничего не бояться, а по вечерам буду куда-нибудь уезжать. Вот! То, что надо! Пойду сейчас и возьму напрокат машину, чтобы не ошиваться в Бонне. Покатаюсь по окрестностям, съезжу в Бад-Годесберг, в Кельн, в Дюссельдорф, главное – избегать туристических мест и больших магазинов. А хотелось бы взглянуть на Котофеича в том зеленом платье, ей, наверное, к лицу. Когда-то она мечтала иметь целый ворох платьев, так и говорила – целый ворох платьев… Сейчас я спокойно могу купить ей этот вожделенный ворох, а тогда мог только смеяться… Да что за наваждение?

Я все время думаю о ней, даже против воли. Но я ведь ее потерял… Бог знает где она… Он рухнул в кресло, закрыл глаза и снова вызвал в памяти Джинджер, ее грудной смех, сводивший его с ума, кожу цвета молочного шоколада, но вместо Джинджер увидел почему-то всегда умилявшую его оспинку на Никином предплечье. Двадцать два года не вспоминал ее, и вот поди ж ты! Интересно, что она подумала, кто купил ей платье? Наверное, сочинила какую-нибудь романтическую чепуховину, не имеющую ко мне никакого отношения. Эта мысль

почему-то причиняла боль. Нет, нельзя поддаваться кретинским сантиментам. Он решил заняться гимнастикой. Полчаса истязал себя, потом принял контрастный душ, выпил большой стакан апельсинового сока и ощутил желанную бодрость. Захотелось есть. Вот это уже вполне нормально! – с удовольствием подумал он и стал рыться в холодильнике. Ага, вот роскошная Вестфальская ветчина, надо бы выйти купить свежего хлеба, но лень, лучше сделаю тосты из вчерашнего, кстати, надо покупать хлеб разумнее, чтобы не заваливался, на один раз. Убрав посуду, он оделся, побрился и бодрым, пружинящим шагом вышел на улицу. Погода испортилась, похолодало, и накрапывал дождь. Вот и отлично, подумал он. Меньше шансов столкнуться… Он взял напрокат белый «Фольксваген-Гольф» и поехал колесить по окрестностям Бонна, достаточно живописным. В результате красивая дорога привела его к старинному замку, в котором проводились экскурсии. Оглядевшись по сторонам как-то даже воровато, он убедился, что никаких русских в группе нет, и присоединился к экскурсантам. Стены в замке были такие толстые, что в залах стоял лютый холод – и через двадцать минут он продрог и разозлился, тем более что видел уже подобные замки, и не раз. И вдруг в мозгу сама собой всплыла фраза, кажется, из дневников Льва Толстого: «Не та баба страшна, что за х… держит, а та, что за душу держит». Так, приехали, начинается! Толстой в ход пошел, теперь еще немножко Достоевского – и готово… Ностальгия! Когда группа наконец вышла из замка, он сломя голову кинулся к машине – греться. Да чепуха все это, ни за что она меня не держит! Я и не вспоминал о ней, и вдруг… Все-таки безделье – опасная штука!

Я, кажется, понял, почему американцы работают как оголтелые. Это же нация эмигрантов, вот все они и стараются забыть свою родину, даже на генетическом уровне. Мысль показалась ему удачной, хотя он не был уверен в ее оригинальности. Надо будет поговорить на эту тему с Беном. И обязательно выкинуть Никину фотографию. Он полез в карман, но вспомнил, что сегодня на нем другие брюки. Ничего, вечером выброшу. Интересно, как у нее прошел вчерашний вечер? «Рандевушка», как выразилась блондинка Алла. Впрочем, рандевушка вчетвером – это не страшно. Хотя кто знает… Нет, Ника не способна на групповуху! Фу, что за мысли лезут в голову! Он достал карту и выяснил, что совсем близко есть ресторан.

И поехал туда, так как от холода и дурацких ностальгических мыслей здорово проголодался. Ресторан оказался хорошим, он пообедал и решил махнуть в Кельн, там у него была знакомая семья, милые интеллигентные люди. Проведу вечерок в нормальном доме, поговорю на отвлеченные темы – и всю дурь как рукой снимет. Он зашел в магазин, купил бутылку виски. Если Моргнеров не

будет дома, бутылка не пропадет. Но надо им все-таки позвонить, а записную книжку и мобильный телефон я оставил дома. Заеду на минутку, переоденусь, тем более погода переменилась и в этой куртке я запарюсь… У Моргнеров автоответчик сообщил, что хозяева уехали. Ну и бог с ними, решил он, все равно поеду в Кельн, погуляю, поброжу по улицам, там ничто не будет напоминать о Нике… Черт, черт, черт, эта Ника как больной зуб, мешает жить! Больной зуб надо вырвать, это самый радикальный способ. Но чтобы вырвать зуб, надо его иметь, сказал он себе. А раз его нет, значит, и болеть нечему. Сам усмехнувшись своей логике, он вышел из дому и побрел к стоянке, где оставил машину. И тут же на глаза ему попалась реклама духов «Земляника». Гадость, наверное. Земляника! Ника! Тьфу ты, я, кажется, схожу с ума! Он так рассердился на себя, что чуть не бегом бросился на стоянку. Но потом вдруг раздумал.

В Кельне я с машиной замучаюсь. Пойду лучше на вокзал, тут совсем близко, и скоро буду в Кельне, зайду в собор. Хотя что там делать?

Я ведь неверующий, а в Кельнском соборе бывал не раз, и вообще… Ему вдруг расхотелось куда бы то ни было ехать. Нет, это черт знает что! С чего это я расклеился, как идиот? Есть, конечно, прекрасный выход – пойти сейчас домой, выжрать бутылку купленного для Моргнеров виски и завалиться спать до утра. Утро вечера мудренее. Может быть, завтра Ники уже не будет в Бонне – и кончится это наваждение. Вот проснусь утром и сразу почувствую, тут она или нет. Впрочем, это вполне ностальгическая идея – напиться до положения риз. Но тогда уж надо пить не виски, а водку, родную русскую водку, усмехнулся он про себя. Да-да, именно водку! Он взглянул на часы. Пять. Приличные люди в это время пьют чай!

А кто сказал, что я приличный? Я совершенно, абсолютно неприличный! Неприлично так психовать от одного только вида женщины, которую бросил двадцать два года назад! Погруженный в эти дурацкие мысли, он брел по улицам прелестного и, несмотря на еще недавний столичный статус, вполне провинциального городка, и сам не заметил, как вышел на набережную. Светило солнце, было тепло, приятно. И вдруг он увидел Нику! Она шла навстречу ему, нет, не шла, а почти летела. Только она умела так летать… Она всегда ходила очень быстро, но, когда шла ему навстречу, он говорил себе: вот летит Ника, моя Богиня победы! Невольно он метнулся в сторону, он не был готов к этой встрече. И тут же увидел, что вовсе не к нему она летела. Нет, навстречу ей шел мужчина, немолодой, но вполне импозантный. Вот они сошлись, он поцеловал ее в щечку, взял под руку – и она как-то очень доверчиво к нему прильнула. Опять

рандевушка, подумал он злобно. Небось только вчера познакомились, а сегодня он уже целует ее в щечку, наглая морда! И она тоже хороша. Видно, у нее вечер удачно перетек в ночь, вон как идет, почти летит… Мужчина между тем слегка приобнял ее за плечи, они чему-то весело смеялись. Он чувствовал, что готов броситься между ними, набить морду этому ее хахалю, схватить Нику и увезти куда-нибудь подальше, чтобы никакие чужие мужики не смели ее обнимать. Что за наглость! А она ведь позволяет, сука такая! Вот они остановились и она, смеясь, сняла что-то у него со лба своим тонким пальчиком. Кокетничает, дрянь! Интересно, куда это они идут? Нет, не идут, а бредут! Так бродят влюбленные в старых фильмах. Сейчас не хватает только, чтобы пошел дождь и этот хмырь целовал бы Никино лицо, залитое дождем и слезами счастья. Его затошнило. Но над Бонном светило солнце, и Ника с кавалером, по-видимому, все-таки не брела куда глаза глядят, а вполне целенаправленно шла к дому на Томас-Манн-штрассе. Она ключом открыла дверь подъезда, и они вошли. Дверь закрылась. Ага, вероятно, тут живет блондинка Алла, сообразил он. Отлично, по крайней мере, я знаю, где искать Нику! Но зачем, зачем мне ее искать, а главное, что они сейчас там делают? Опять заболело под ложечкой, да как! Он прислонился к стене и попытался выровнять дыхание. Если блондинки нет дома, то все возможно. Может быть, как раз сейчас Ника этим своим сводящим с ума движением закидывает руки и расстегивает бусы… На ней и сегодня были бусы, только совсем уже другие, не зеленые… Кретин, в очередной раз воззвал он к себе самому, что ты делаешь? Ошиваешься под дверью чужого дома, где, возможно, предается любви баба, которую ты сам бросил двадцать два года назад. Да еще и корчишься от боли. Стыдно, глупо, унизительно до чертиков… Да она же блядь, вчера познакомилась с этим типом, а сегодня уже предается… Иди отсюда и забудь… Один раз сумел забыть больше чем на двадцать лет, так и теперь сумеешь. Она тебе не нужна, и ты ей совершенно не нужен. Она тебя давно похоронила, ты же сам решил, что для нее будет лучше, если ты умрешь… Вот ты и умер для нее. Так что появляться перед этой женщиной попросту негуманно! Она еще, чего доброго, в обморок грохнется, возись потом с ней… И засыплет его упреками, станет говорить, что он ей жизнь разбил, что… Боль постепенно отступила, он смог глубоко вдохнуть и уже решил уйти, но тут дверь открылась и вышла Ника с кавалером. Он отступил за дерево и впился в нее глазами. Вид у нее был нормальный, спокойный, не похоже, что она чему-то там предавалась… Даже не целовались, наверное. Да и времени прошло всего ничего, минут десять от силы, не кошки же они… Ему стало легче. Он заметил только, что Ника сменила туфли. Они говорят по-русски и на «вы», что тоже приятно. Вот теперь они действительно бродили… Все понятно, она надела на свиданку туфли на каблуках, в них не больно-то побродишь. А теперь броди – не хочу! Дура, думала небось, что он ее сразу поведет в какое-нибудь шикарное

заведение, а он, видите ли, решил бродить! Бродить, конечно, дешевле! Они брели по улицам, а он тащился за ними, отчетливо понимая, как это глупо и унизительно. Но вот наконец они зашли в уличное кафе под цветущими розовыми каштанами. Он тоже вошел и пристроился неподалеку. Что я тут делаю? Я ведь ей совершенно не нужен, она не чувствует, что я рядом, вон на улице ни разу даже не оглянулась, и сейчас в мою сторону не глядит… И в ту же секунду Ника вдруг начала беспокойно озираться. Он уткнулся в меню. К парочке подошла молоденькая кельнерша, а через две минуты она же подошла к нему. Он заказал чашку кофе. Никин кавалер между тем взял ее руки в свои и, глядя на нее с нежностью, стал что-то взволнованно говорить. Она зарделась, улыбнулась, и что-то сказала в ответ. А мужик вдруг прижал ее ладони к своим щекам и начал их целовать. Так, очень интересно. Он о чем-то ее спросил, а она, зардевшись, видимо, согласилась. На что, хотел бы я знать. Переспать с ним? Но, судя по всему, это уже пройденный этап.

А может, он сделал ей предложение? Руки и сердца, как говорится? Но с чего я взял, что она не замужем? Впрочем, замужней бабе тоже можно предложить руку и сердце… Она ему кивнула, значит, согласилась. Если она замужем, то это довольно подло… А если не замужем… Опять заболело под ложечкой. Замужем – не замужем, какая разница, но ведь со всеми ними она спит… И с мужем, невесть каким по счету, и с этим… Нет, это уж слишком, он смотрит на нее с такой любовью…

А она тоже с нежностью на него смотрит… Он в бешенстве швырнул на столик деньги.

И выбежал из кафе. Но уйти не было сил.

И он увидел, как мужик вдруг вскочил и тоже выбежал из кафе. Ника осталась одна, на губах ее все еще играла нежная улыбка, от которой можно было сойти с ума. Какая она худенькая, вдруг подумал он. Боже, до чего она прелестна, это самая прелестная женщина из всех, кого я видел… Вот сейчас подойду к ней – и будь что будет. Но тут он увидел, что кавалер ее вернулся с пятью шикарными чайными розами. Ника просияла, понюхала розы, а мужик нежно ее поцеловал. Убью, к чертовой матери! И вдруг ему в голову пришла мысль, показавшаяся очень удачной. Вот сейчас, старый хрыч, я тебе обедню испорчу! Он бегом пересек площадь и буквально ворвался в цветочный магазин. Немолодая продавщица улыбнулась ему:

– Добрый день. Что вы хотите?

– Мне нужен большой красивый букет, но немедленно!

– О, это не проблема, только скажите…

– Вот этот!

– Этот, к сожалению, уже продан!

– Умоляю, продайте его мне!

– Извините, это невозможно, а вот этот вам не подойдет?

И тут его опять осенило:

– У вас есть чайные розы?

– Ну конечно!

– Тогда, пожалуйста, пятьдесят роз!

– Пятьдесят? Сию минуту… Я не уверена, что столько смогу набрать…

– Ничего, пусть немного меньше. Только скорее.

– Хорошо, хорошо, у меня двадцать семь…

– Пусть… И пожалуйста, вы можете кого-нибудь послать вон в то кафе?

– Разумеется, букет для дамы, которая сидит в кафе?

– Конечно.

– Вы не могли бы показать мне эту даму?

– Зачем это?

– А вы сами понесете розы? – улыбнулась продавщица. – Или вы хотите их послать?

– Послать, конечно, послать, я же сказал.

– Но мне придется сделать это самой, моей помощницы сейчас нет.

Она вместе с ним вышла из магазина, и он показал ей Нику. На столике перед ней уже стояли чайные розы.

– О, я понимаю, – опять улыбнулась женщина, – уверяю Вас, двадцать семь роз более чем достаточно. Если бы вы посылали цветы даме домой, это другое дело, но в кафе…

– Да, наверное, вы правы, но поторопитесь, умоляю!

– Не волнуйтесь, ваша дама только приступила к мороженому!

– Господи, как вы разглядели?

– У меня дальнозоркость, – улыбнулась опять продавщица, заворачивая розы в красивую бумагу. – Вот видите, прекрасный букет получился. Хотите что-нибудь написать?

– Да-да, обязательно!

– Вы можете выбрать карточку.

– Какая разница, давайте любую! – Он весь дрожал от нетерпения, схватил первую попавшуюся и написал, не задумываясь: «Котофеич, жду завтра в десять утра у памятника Бетховену. Целую. Влад».

В этот момент в магазин, запыхавшись, вбежала девчонка лет пятнадцати. Продавщица сказала:

– Трудхен, надо этот букет отнести в кафе. Там за столиком, где стоят наши чайные розы, сидит дама в бежевом костюме.

Девочка глянула на букет, на покупателя и прыснула. Потом кивнула и вприпрыжку понеслась исполнять поручение. Он поспешил за ней.

– Стой, не беги так! – крикнул он.

Она остановилась, подождала его.

– Хотите видеть знаменательный момент? Ну и нахалка!

– Не волнуйтесь, у вас больше роз и больше шансов!

– Иди уже! – разозлился он.

Девчонка вбежала в кафе и подала Нике букет. Ника и ее хахаль стали озираться, но он уже стоял за каштаном. Так что даже бойкая Трудхен его не заметила. Кавалер сунул ей какую-то монетку, и она унеслась.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Не знаю, что стало со мною – Душа моя грустью полна. (Пер. с нем. В. Левика)

2

Вечная женственность (нем.).

Купить: https://tellnovel.com/ru/ekaterina-vilmont/umer-shmumer

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить